

На самом деле, Чжу Хуэйлинь умела плавать, но в тот момент, охваченная гневом, она пошла на крайние меры. Однако судьба оказалась настолько жестокой к этой матери и сыну. Кто бы мог подумать, что в тот момент, когда Ци Цзыхэн прыгнул в реку, как раз происходили строительные работы на мосту, и огромный экскаватор опустил свою стрелу... Произошла трагедия.

Чжу Хуэйлинь, поддавшись минутному порыву, вместо того чтобы отомстить мужу и той мерзкой женщине, разрушила жизнь собственного сына.

Позже Ци Линъюнь, увидев столь ужасное происшествие и опасаясь его общественного резонанса, был вынужден отказаться от идеи развода, перейдя к модели «одна семья, два режима, мирное сосуществование». По сути, это был вынужденный компромисс Чжу Хуэйлинь, чтобы её парализованный сын не остался без крова. Она позволила той мерзкой женщине войти в их дом вместе с её незаконнорожденным сыном Ци Цзыи, а позже та родила ещё одного ребёнка — Ци Цзыюй.

Брак Чжу Хуэйлинь и Ци Линъюня фактически превратился в пустую формальность. Она оставалась в этом доме, терпя унижения ради своего сына-инвалида.

В этот момент Чжу Хуэйлинь ответила:

— Та мерзкая баба и её щенок дома. Говорят, что у щенка сегодня температура, поэтому они взяли выходной и остались дома отдыхать.

Сказав это, она гордо выпрямилась:

— Чего их бояться? Это наш дом, а они — никто! Если осмелятся наглеть, я вымету их метлой!

Ци Цзыхэн знал, что мать лишь притворяется сильной, чтобы успокоить его. На самом деле, она давно потеряла всякую надежду и была благодарна просто за то, что у неё и её сына есть крыша над головой. Она бы никогда не решилась противостоять той женщине.

Падший феникс хуже курицы, а феникс без ног и вовсе не лучше веника для пыли. Ци Цзыхэн вздохнул про себя, но вслух сказал:

— Пойдём, поедим.

Как и следовало ожидать, присутствие щенка дома не обошлось без неприятностей.

Во время еды младший братец Ци Цзыюй выбежал с водяным пистолетом в руках, направил его на Ци Цзыхэна и, издавая звуки «та-та-та», засмеялся:

— Какой огромный живой мишень!

Струя воды ударила в Ци Цзыхэна.

И правда, мишени обычно неподвижны, а Ци Цзыхэн, сидя в инвалидной коляске, почти ничем не отличался от мертвеца. Он не мог быстро уклониться от выстрела.

Чжу Хуэйлинь поспешила прикрыть сына, и струя воды попала на её белую блузку, оставив тёмно-зелёное пятно с отвратительным запахом.

Чёрт возьми, это была вода из канализации!

Этот щенок был слишком жесток!

Даже терпеливая Чжу Хуэйлинь не смогла сдержаться и начала громко ругать Ци Цзыюя, что, в свою очередь, привлекло внимание той мерзкой женщины. Она вышла, изогнувшись, как змея, с намалёванным лицом, высокомерная и дерзкая, и начала кричать:

— Почему вы не сдохнете? Любой, у кого есть хоть капля стыда, уже бы давно покончил с собой! Если хотите умереть, река не закрыта, прыгайте!

Ци Цзыхэн почувствовал, как гнев поднимается в его груди. Он действительно был сыт по горло!

Пока женщины ссорились, а щенок радовался зрелищу, Ци Цзыхэн тихо подкатился на коляске к мальчику, внезапно схватил его за шею и прошипел:

— Если умирать, то вместе с вами в ад!

Визг мерзкой женщины оглушил Ци Цзыхэна, но в его сердце вспыхнуло странное удовлетворение:

«Пусть будет так. Умереть вместе, я уже давно устал жить! Говорят, что после смерти душа поднимается вверх, так что, есть ли ноги или нет, какая разница?»

Пальцы Ци Цзыхэна постепенно сжимались, он чувствовал, как слабеет сопротивление под его рукой...

Но вдруг он заколебался. Даже если этот мальчик заслуживает смерти, это всё же жизнь, да ещё и ребёнок.

Ци Цзыхэн медленно ослабил хватку, не зная, что делать.

В этот момент он почувствовал резкую боль в голове. Подняв глаза, он увидел лишь кровавую пелену.

Крупные капли крови стекали по его лицу, затуманивая зрение.

Ци Цзыхэн больше не мог удерживать Ци Цзыюя. Он почувствовал, как мальчика вырвали из его рук.

Затем холодный голос раздался у него в ушах:

— Тебе давно пора было умереть, но ты даже на пороге смерти пытаешься навредить моему брату. Если так, я не против помочь тебе.

Это был Ци Цзыи.

Этот мерзавец вместе со своей мерзкой матерью отобрал у Ци Цзыхэна всё самое дорогое: семью, богатство, жизнь и даже здоровье... И теперь он ещё и осмеливается изображать жертву!

Чжу Хуэйлинь хотела броситься к сыну, но люди Ци Цзыи схватили её и заткнули ей рот тряпкой, не давая издать ни звука.

Десять лет накопленной печали и гнева вырвались наружу, как извержение вулкана. Ци

Цзыхэн хотел царапать лицо Ци Цзыи, душить его, хотел...

Но быстро угасающая жизнь не позволяла ему ничего сделать. Он даже не мог закричать в небо, обвиняя судьбу в слепоте. Он лишь слабо улыбнулся и еле слышно прошептал:

— Не зазнавайся, однажды я...

Ци Цзыи холодно усмехнулся:

— У тебя никогда не будет шанса.

Действительно, сознание Ци Цзыхэна постепенно угасало, словно гаснущая лампа.

Смерть человека подобна угасанию света, пока он не погружается в бесконечную тьму.

В комнате шторы были плотно задернуты, закрывая дневной свет, чтобы можно было поспать подольше.

Ци Цзыхэн лежал в постели, сон его был беспокойным.

В голове мелькали обрывки воспоминаний, печальных и полных бессилия. Последний образ — он, как пожелтевший лист, сорванный с ветки, падал, превращаясь в прах...

Ци Цзыхэн резко открыл глаза.

Я всё ещё жив... Он потрогал свою грудь. «Тук-тук-тук», сердце билось ровно и сильно.

Эх, это был всего лишь кошмар. Во сне я умер, а теперь, проснувшись, мне снова предстоит жить этой жалкой жизнью? Ци Цзыхэн горько усмехнулся, подумав: «Лучше бы уж умереть, даже если это несправедливо, чем продолжать мучиться».

Но сегодняшнее пробуждение казалось чем-то особенным.

Что-то было не так. Ци Цзыхэн почувствовал странное ощущение, как вдруг в дверь раздался стук, и Чжу Хуэйлинь, не дожидаясь приглашения, вошла, слегка раздражённо сказав:

— Цзыхэн, сколько раз я тебя звала! Даже если на каникулах можно поспать подольше, нельзя спать так долго. Вставай, мне и тёте Чжоу нужно уйти по делам, мы не вернёмся к обеду, приготовь себе что-нибудь.

Сказав это, она бросила одежду с кресла на кровать Ци Цзыхэна и добавила:

— Быстрее! Я ухожу.

Затем вышла из комнаты.

Ци Цзыхэн смотрел на её спину, ошеломлённый, чувствуя, как странное ощущение усиливается.

Я же инвалид, не могу сам о себе заботиться, даже перевернуться в постели без помощи не могу. А сегодня мама просто оставила меня... И ещё сказала, чтобы я сам приготовил обед! Как я могу это сделать, если не могу даже встать?

Размышляя, Ци Цзыхэн вдруг осенило: Внешность мамы?! Она тоже кажется другой! Мама...

выглядит моложе, и на ней красный свитер с рукавами-бабочками, который был модным десять лет назад...

Ци Цзыхэн резко сбросил одеяло и посмотрел на свои ноги.

Боже мой!

Надеюсь... это правда!

Две прямые, стройные ноги!

От бёдер до голеней, до лодыжек и пальцев — линии были плавными, сильными и изящными.

Ци Цзыхэн моргнул, не веря своим глазам:

Это мои ноги?

Он попробовал пошевелить большим пальцем ноги — отлично, он двигался по его желанию. Затем он попытался положить левую ногу на правую — это получилось легко, и другие движения тоже давались без труда.

Для человека, который был парализован десять лет, что это значило?

Огромная радость затопила сердце Ци Цзыхэна. Он вскочил с кровати, спрыгнул на пол и в восторге побежал босиком по комнате, прыгая и танцуя.

Мои ноги вернулись! Но как они вернулись? Ведь их же ампутировали. После первоначальной радости Ци Цзыхэн почувствовал недоумение. Он подошёл к шкафу, ненадолго замер, а затем резко открыл прикреплённое к нему зеркало.

В зеркале был юноша с яркими глазами, молодым лицом, покрытым лёгким пушком, и ясным взглядом. Ему казалось, что ему снова шестнадцать.

<http://bllate.org/book/16687/1531298>